

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мартirosян Г.Э. Художественная репрезентация прошлого в афрофутуристических романах Нигерии и США //

Litera. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74309 EDN: HTEGOA URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74309

Художественная репрезентация прошлого в афрофутуристических романах Нигерии и США

Мартirosян Георгий Эдуардович

ORCID: 0009-0000-4469-1980

Специалист по внешним коммуникациям; Департамент маркетинга; ООО "Чинт Электрик"

119146, Россия, г. Москва, р-н Хамовники, ул. 1-я Фрунзенская, д. 6

✉ georgii.martirosyan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.5.74309

EDN:

HTEGOA

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2025

Дата публикации:

05-05-2025

Аннотация: Предметом исследования являются художественные стратегии репрезентации исторического прошлого в двух афрофутуристических романах: "Родне" Октавии Батлер и "Воительницах" Точи Онебучи. Анализ сосредоточен на том, как в этих текстах, принадлежащих к разным географическим и культурным контекстам — афроамериканскому и нигерийскому, — осмысляется прошлое как элемент коллективной памяти, исторической травмы и культурной идентичности. Особое внимание уделяется тому, каким образом прошлое включается в структуру фантастического повествования, какие нарративные функции оно призвано выполнять и какова его роль в формировании образа будущего. Сравнение двух указанных романов позволяет выявить как общие тенденции афрофутуристического письма, так и региональные различия в подходе к историческому материалу и осмыслению постколониального и дискриминационного

опыта. Исследование опирается на сопоставительный литературоведческий метод, нарратологический анализ и методологию постколониальных исследований. Антропологическая перспектива учитывает локальные практики коллективной памяти, культурные коды и различия в исторических нарративах Нигерии и США. Теоретической основой служат исследования афрофутуризма. Функции прошлого рассматриваются как нарративообразующие элементы. В исследовании впервые в российском филологическом контексте осуществляется сопоставительный анализ репрезентации прошлого в афрофутуристических романах Нигерии и США. Выявлено, что в афрофутуристической традиции США прошлое представляется как травма, подлежащая эмоциональной реконструкции, тогда как в афрофутуристической традиции Нигерии оно обнаруживается в качестве повторяющейся истории, которая подлежит предупреждению и переработке. Установлены различия в нарративных стратегиях американских и нигерийских афрофутуристов: от прямого телепортационного погружения в рабское прошлое (США) до аллюзивного переноса гражданской войны в будущее (Нигерия). Показано, что фантастический жанр используется в обеих версиях афрофутуризма как инструмент культурной и политической рефлексии. Результаты исследования способствуют уточнению понятийного аппарата афрофутуристической критики и открывают перспективы дальнейшего изучения афрофутуризма в российских гуманитарных науках.

Ключевые слова:

афрофутуризм, африканфутуризм, Нигерия, С Ш А, художественная память, постколониальный роман, репрезентация прошлого, сравнительное литературоведение, санкофа, черный футуризм

Для написания научной статьи не привлекалось никакого финансирования из российских и иностранных источников.

Афрофутуризм, как культурное явление, с середины 1990-х гг. переживает бурное развитие в США и Африке, особенно в Нигерии – крупнейшей по численности населения стране континента. Сам термин в научный обиход был введен американским культурологом М. Дери. Он предназначался для обозначения совокупности художественных практик, в которых соединяются наследие африканской диаспоры с инновационными технологиями и прогнозами будущего [\[1, с.9\]](#).

Понятие «афрофутуризм» возникает на фоне дигитальной революции конца XX в., давшей афроамериканским художникам новые инструменты для самовыражения в цифровом пространстве. Похожие тенденции обнаруживались в странах Африки: получив доступ к интернету, континентальные авторы стали обращаться к научной фантастике, чтобы осмыслить постколониальные реалии и предложить альтернативные точки зрения на место чернокожих людей в мире. Во многом афрофутуризм рождался как реакция на постмодерн и глобализацию и стремился переизобрести историю Африки, голоса которой долгое время были вытеснены на периферию.

В конце XX века афроамериканцы искали новые формы выражения коллективной травмы рабства и институционального расизма в условиях формальной «пост-расовости». Афрофутуризм предоставил им инструменты для погружения в болезненное прошлое и мечтаний о лучшем будущем. Главным из них оказались научно-фантастические образы. Афрофутуризм сочетает «ориентацию на будущее при обращении к трагическому

прошлому и тревожному настоящему» [\[2, с. 1370\]](#). Такая перспектива определила афрофутуристическую эстетику в литературе и других видах искусства.

Когда афрофутуризм начинал входить в американский академический обиход, Нигерия оправлялась от череды этноконфессиональных войн и военных переворотов. В стране зрела потребность в новом мифотворчестве, восстановлении прерванной связи с прошлым, оптимистичной концепции будущего. Афрофутуристическая традиция в Нигерии стала формой сопротивления. Использование технологий и возможностей жанров научной фантастики позволило местным авторам критиковать последствия колониализма и политическую ситуацию, актуальную на конец XX в [\[3, с. 122\]](#).

Проникновению идей афрофутуризма в Нигерию способствовали прежде всего диаспоральные связи. С середины 1990-х гг. нигерийские писатели в Нигерии и за ее пределами начали публиковать научно-фантастические и фэнтезийные тексты, вплетая в них африканские мифы и современные реалии. Таким образом, и в США, и в Нигерии афрофутуризм расцветает как ответ на кризис идентичности и утверждение черных голосов в дискуссии о будущем человечества.

Безусловно, за 30 лет понятие «афрофутуризм» обросло множеством уточнений. В США на него смотрят широко – как на философию, исследующую пересечение афроамериканской культуры с технологиями и футурологией. Ключевые исследователи (Р. Андерсон, Ч. Джоунс, И. Вомэк, К. Эшун, А. Нельсон и др.) подчеркивают революционный потенциал афрофутуризма в переосмыслении истории [\[4-7\]](#). Даже первые обзоры на афрофутуристическое искусство в США задавались крайне сложным вопросом: насколько афроамериканцы способны вообразить будущее, если их прошлое было намеренно стерто, а их историческая память искажена? Им ответили: афрофутуризм как раз и направлен на то, чтобы заполнить эти лакуны с помощью воображения.

С тех пор в США афрофутуризм осмысляют как инструмент культурной критики. И. Вомэк определяет его как «сочетание воображения, технологий, будущего и освобождения» и рассматривает это искусство в контексте непрекращающейся борьбы афроамериканцев за права [\[8, с. 19\]](#). Американские исследователи отмечают жанровое многообразие афрофутуризма, при этом акцентируя внимание на критическом переосмыслении истории. Так, по выражению Э. Эдвардс, афрофутуризм «настаивает, чтобы мы не только смело воображали будущее, но и на каждом шагу соприкасались с вездесущим прошлым» [\[9, с. 8\]](#). В целом, в американских интерпретациях афрофутуризма центральное место занимают диалог «прошлое – настоящее – будущее» и преодоление коллективных травм через фантазию.

В Нигерии и многих других странах Африки разговор об афрофутуризме формировался иначе, часто – в полемике с самими афроамериканцами. На пике этой трансатлантической конфронтации нигерийская писательница Н. Окоафор ввела термин «африканфутуризм», заявив, что, в отличие от афрофутуризма, занятого делами афродиаспоры, этот поджанр «центрирован на Африке и ее людях» и «не обременен белым западным взглядом» [\[10, с. 55\]](#). Эту позицию разделили многие нигерийские исследователи, в частности, О.Н. Сандэй и Дж. Акунг, отметившие, что привычная западная классификация «всех черных спекулятивных текстов как афрофутуристических» неуместна, потому что американская концепция «не оставляет пространства для воображаемого африканцами» [\[11, с. 10\]](#).

Именно так в конце 2010-х гг. произошел раскол между афрофутуризмом диаспоры и собственно африканским футуризмом (африканфутуризмом). Нигерийские исследователи уверены: если афрофутуризм в США вырос на почве расовой дискриминации в западном обществе и осмыслении оторванности от Африки, то африканская традиция основывается на непосредственном африканском опыте. Он включает колониальную травму, борьбу за независимость, локальные мифологии и уникальные культурные практики. В собственно африканском мировосприятии «невозможно разделить технологии и духовность», и афроамериканские авторы, оторванные от утраченной прародины, такой оптикой не обладают [\[10, с. 60\]](#).

Однако при всех разногласиях и американские, и нигерийские исследователи сходятся в одном: афрофутуризм (африканфутуризм) – это не жанровая причуда, а культурно-политическое движение. Оно освобождает будущее, возвращает голоса тем, кто был маргинализован, и разрушает стереотипы об Африке и афродиаспоре. Если американский дискурс критикует неолиберальный миф о пост-расовом обществе, то нигерийский призывает избавиться от ментальной оккупации и представить Африку как центр и активный субъект истории. Эти идеологические особенности важно учитывать при знакомстве с конкретными афрофутуристическими продуктами.

Название этого движения обманчиво: оно не столько обращено к грядущему, сколько интегрирует переосмысленное прошлое в будущее. И в США, и в Нигерии афрофутуристы оглядываются на исторические перипетии своих народов. В афроамериканской традиции прошлое – это память о рабстве и расизме и борьба за свободу. Сам факт трансатлантической работорговли осмысливается как нечто столь же фантастическое, как художественный сюжет. Парадоксально, что афроамериканцы уже пережили научно-фантастический сценарий – похищение инопланетянами» – и сами стали пришельцами в Америке, на чужой земле, без связи с родиной. Отсюда – крайне распространенные в американском афрофутуризме мотив путешествия во времени к предкам-рабам и аллегории пленения машинами. Прошлое – источник боли, нарыв, который необходимо вскрыть, чтобы освободиться. В этом смысле американский афрофутуризм созвучен концепции «санкофа», заимствованной у акан из Ганы и Кот-д’Ивуара: символическая птица оборачивает голову назад, держа яйцо (будущее) и как бы говорит: «Вернись назад, возьми то, что ты забыл». Афрофутуристические герои очень часто обретают связи с духами предков или заново открывают для себя стертую историю, чтобы победить зло.

В нигерийской же традиции афрофутуризма прошлое, хотя и тоже играет ключевую роль, рисуется как славное самобытное доколониальное наследие и тяжелое колониальное бремя. Примечательно, что нигерийские афрофутуристы зачастую реабилитируют образ традиционной Африки до прихода европейцев, показывая ее богатство. Прошлое тут – источник силы и гордости за культуры йоруба, игбо, хауса, реальных доколониальных царств, например, Канем-Борну, Ойо и Бенина. В художественных мирах нигерийских афрофутуристов именно обращение к этим корням позволяет достигать гармоничного будущего.

Помимо доколониального наследия, нигерийские афрофутуристы, конечно же, осмысливают и более недавнее прошлое – национально-освободительную борьбу с Великобританией, гражданскую войну и другие конфликты. Это необходимо для реставрации непрерывности истории, оборванной колонизацией. Если для американских афрофутуристов прошлое – это утраченная родина, то для нигерийских – родная, но покалеченная земля. Вследствие этого нигерийские авторы нередко интегрируют в

сюжет мотив исправления исторической несправедливости (изгнание британцев, предотвращение национальных трагедий, буквальное переписывание предложенной англичанами летописей).

Обобщая, можно сказать, что американский афрофутуризм оживляет прошлое внутри фантастического нарратива. Оно становится неотъемлемой частью будущего. В то же время нигерийский афрофутуризм (африканфутуризм) репрезентирует прошлое через традиционные мифы и реальные исторические события, которые в художественном измерении получают другой, благоприятный для Африки исход. В итоге и в первой, и во второй афрофутуристических традициях прошлое – деконструктор расистских (США) и колониальных (Нигерия) предрассудков; основание для воображаемого будущего, которое вбирает лучшее из утраченного и учитывает ошибки истории. Эта динамика, как мы увидим, ярко проявляется в афрофутуристической литературе обеих стран – в частности, в романе «Родня» (Kindred, 1979) О. Батлер и романе «Воительницы» (War Girls, 2019) Т. Онебучи.

Роман О. Батлер, хотя он и написан задолго до появления термина «афрофутуризм», успел стать классическим образцом художественного переосмысления истории чернокожих американцев. Сюжет здесь строится на фантастическом допущении: афроамериканка Дана таинственным образом перемещается из Калифорнии последней четверти XX в. на плантацию в Мэриленде времен начала XIX в., когда ее предки были рабами. Каждый раз, когда жизнь маленького сына плантатора оказывается под угрозой, Дана «проваливается» в прошлое, чтобы спасти его – и тем самым обеспечить рождение своей прабабки от союза белого хозяина и черной невольницы. В промежутках Дана возвращается в свое время, но с каждым провалом она все дольше задерживается в Мэриленде и переносит ужасы того времени [\[12\]](#).

Благодаря этой фантастической спирали Дана непосредственно сталкивается с травматичным прошлым своего народа. Батлер репрезентирует это время с беспрецедентной реалистичностью и эмоциональной силой, повествование идет от человека из XX века, который знает, сколько еще придется пережить африканской диаспоре в США в течение следующих полутора веков. Прошлое в «Родне» тянет руку в настоящее, формируя художественную идентичность Даны, и это иллюстрирует тезис, что рабство для афроамериканцев – не далекая абстракция, а живая семейная память. Ее эхо раздается спустя столетия.

Прошлое в этом романе материализуется в теле и душе Даны так, что при последнем возвращении в Калифорнию 1970-х гг. она теряет руку, а часть ее туловища застревает в стене дома. Эта знаменитый эпизод интерпретируется критиками метафорически: прошлое навсегда отняло у Даны часть ее самой и оставило на ней неизгладимые шрамы. Хотя «Родня» – это фантастический роман, он в то же время вписывается в жанр «неоневольничьих повествований». Батлер продолжает традицию рассказов бывших рабов и подвергает современного человека испытанию, проверяя, может ли он (она, Дана) вынести правду о прошлом. Таким способом Батлер восстанавливает эмоциональную связь поколений: Дана начинает лучше понимать своих предков, лично пережив то, что, казалось, навсегда осталось в учебниках истории.

Художественный мир, представленный в «Родне», тем не менее, может считаться альтернативным, хотя бы потому, что Дана, как главный субъект, активно противостоит угнетению. Она учит других рабов читать, дает им советы, спасает себя и их. Однако радикально переписать прошлое она не может, поэтому вынуждена, например, содействовать тому, чтобы ее белый предок, изнасиловавший ее прабабку, выжил и

продолжил род, иначе она сама не появится на свет. Даже обладая знаниями, Дана не всемогуща перед лицом истории, зато, вернувшись в настоящее, она обретает целостность, пускай и ценой утраты части тела и глубокого осознания собственной исторической обусловленности.

Конкретно для этого исследования «Родня» важна, потому что в нем буквально соединяются прошлое и настоящее. История в романе не иносказательна, а предельно конкретна – с дотошным вниманием к плантаторскому быту, жестокостям рабовладельцев и страхам невольников. Фантастическое здесь – перекинутый через 150 лет мост, усиливающий классический посыл американского афрофутуризма: чтобы выжить, афроамериканцам следует помнить прошлое, каким бы болезненным оно ни было. Будучи афроамериканкой, Батлер заочно ответила на вопрос, поставленный М. Дери в 1994 году: да, люди, чье прошлое пытались стереть, могут вообразить будущее – но сначала они должны раскопать его и прожить. Без этой образцовой археологической миссии в XXI в. не могли бы появиться афрофутуристические романы К. Уатхеда, Н. Дэйвенпорт, Р. Соломон.

Т. Онебучи в романе «Воительницы» переносит нас в 2172 год. Но и здесь будущее Нигерии тесно связано с конкретным сюжетом в историческом прошлом страны – гражданской войной 1967-1970-х гг. (Войной за независимость Биафры), вспыхнувшей, когда игбо на юго-востоке попытались отделиться от страны, но были разгромлены федеральным правительством после кровопролития, унесшего до 3 миллионов жизней, и массового голода, от которого погибло еще несколько сотен тысяч человек. Онебучи изображает эту войну как противостояние между Нигерийским Союзом и Республикой Биафра, реконструируя ее спустя 200 лет. Две главные героини, Они и Ифи, – боевые сестры из биафранского лагеря детей-солдат, оснащенных высокотехнологичными военными экзоскелетами. В начале романа этот лагерь подвергается атаке федеральных войск, Они остается с сепаратистами, а Ифи попадает к нигерийцам.

Дальше роман следует по разошедшимся дорогам Они и Ифи в течение нескольких лет. Ифи попадает под опеку богатого политика, становится киборг-пилотом с ИИ-имплантами и служит федеральному правительству, которому при помощи США удастся временно усмирить Биафру. Они, считая сестру погибшей, становится легендарным солдатом биафранского подполья. Они встречаются на поле решающей битвы, и роман заканчивается трагически: попытка примирения оборачивается новой потерей. Война закончилась, но будущего для обеих героинь не остается ^[13]. Их дальнейшая история рассказывается в продолжении дилогии, романе «Мятежницы» (Rebel Sisters, 2020), на котором мы не будем останавливаться.

В «Воительницах» прошлое репрезентируется прежде всего через историческую аналогию. Онебучи сознательно переписывает реальную историю войны в жанре научной фантастики, перенося ее в будущее, но сохраняя ключевые элементы: противостояние федеральных войск и сепаратистского региона, роль иностранных государств (в реальности в этой войне на стороне Нигерии косвенно участвовали СССР, Великобритания, Египет, Сирия, Алжир, а на стороне Биафры – Франция, Китай, Португалия, Израиль и около 10 стран Африки), массовую гибель мирного населения от военных преступлений, принуждение детей. Голод в «Воительницах» заменяется на экоцид: вся Биафра оказывается под радиационным щитом после ядерного удара, из-за которого люди переезжают в подземные убежища. Тут – цикличность истории: в 2172 году повторяется то, что было в 1960-х гг., а герои романа даже спустя 200 лет говорят о бывшей гражданской войне и видят себя ее продолжателями. Прошлое встраивается в

мотив вечной войны, травма в «Воительницах» продолжает определять будущее Нигерии.

Эта историческая параллель подчеркивает абсурдность повторения старых ошибок. Прошлое догоняет героев: Они и Ифи повторяют судьбу сотен тысяч семей, разлученных войной 1960-х гг. На примере Ифи в «Воительницах» реализуется тема памяти и забвения. Ей имплантируют кибернетические импланты, частично стирающие и блокирующие личные воспоминания, и она начинает поддерживать официальный взгляд властей Нигерии на события в Биафре. В то же время Она сохраняет «исходную» память – она лелеет память об Ифи и помнит о зле былой войны. В итоге Ифи вспоминает прошлое, но это приводит ее к внутреннему конфликту, переросшему в отчуждение от собственного тела. Онебучи показывает, что, даже если прошлое стерли, оно вернется. В финале именно, в эпизоде встречи сестер, прошлое становится главным аргументом их примирения, пусть и краткого.

«Воительницы» не только обращаются к историческому прошлому, но и размышляют о прошлом, которого не было. В реальности Биафра проиграла войну, но из романа становится ясно, что Биафра существует уже два века и все это время война то замораживается, то возобновляется. Это – альтернативная история, замаскированная под будущее. Хотя формально «Воительницы» написаны в научно-фантастическом жанре, речь идет об историческом романе, перемещенном на хронологической шкале [\[14, с. 5\]](#). Это типично для нигерийского афрофутуризма (африканфутуризма): взять отнятое и перенести его в воображаемое пространство, где с ним можно взаимодействовать.

Кроме исторической аллюзии на Биафру, «Воительницы» включают другие аспекты прошлого. Вскользь, в репликах федеральных политиков, упоминается и осуждается британская колонизация. В диалогах и всем художественном мире романа ощущается, что обе участницы войны помнят реальную историю Нигерии, но никто из них не может вынести из нее уроки. Вмешательство США в конфликт (они поставляют федеральным войскам дроны и космические технологии) расценивается как отголосок неокOLONиализма: внешний контроль над Африкой не остался в прошлом, а присутствует под другим флагом.

С художественной точки зрения, прошлое в «Воительницах» конструируется через параллели и реминисценции. В романе не обнаружено прямых отсылок к 1960-м гг., но для всех, кто знаком с историей Западной Африки, сходства очевидны: топонимы, образы покалеченных войной детей, эвакуация сирот на Запад – все это документированные факты гражданской войны в Нигерии. Более того, каждая глава романа сопровождается датами. Прозвища сестер даются на игбо (Они – Онебучи, Ифи – Ифийинва). Лагеря украшены рисунками укрaн традиционного игбо-орнамента, в репликах повстанцев присутствуют игбоязычные вкрапления. Эти культурные коды подчеркивают преемственность поколений. Они в одном из эпизодов разрисовывает боевой мех национальными узорами, тем самым символически привязывая будущее оружие к прошлому народа.

«Воительницы» демонстрируют подход, характерный для нигерийской афрофутуристики (африканфутуристики): отрефлексировать травму национальной истории через призму фантастики. Прошлое у Онебучи – явный источник сюжета, но не прямой, как у Батлер. Онебучи показывает, что некоторые раны постколониальной нации так и будут болеть и определять облик будущего, если их не излечить. Учитывая, что во второй части диалогии цикл насилия после недолгого перемирия возобновляется, «Воительницы» служат

предупреждением: без осмысления истории невозможно разорвать замкнутый круг роковых ошибок.

На примере двух афрофутуристических романов были показаны нарративные стратегии авторов из США и Нигерии. Американские афрофутуристы часто применяют прямое столкновение персонажа с прошлым и явное воспроизведение исторических реалий в фантастическом ключе. Батлер, например, выбирает классический прием путешествия во времени, сам жанр служит этической цели – осознанию рабства. Нигерийские авторы же нередко используют элементы исторического романа, жанровый каркас их текстов – гибридный. В обоих случаях заметен тренд вписывать прошлое в жанровую конвенцию, привычную западному читателю (научная фантастика о времени, триллер о киборгах, детективное досье и др.), что делает тяжелую историческую тему более доступной и острой. Помимо этого, нигерийские авторы склонны к мифопоэтическому нарративу, опоре на военную фантастику, боевики, иногда приправленные киберпанком и даже меха-аниме, но всегда закладывающие в основу документальный конфликт. Как результат, нигерийский афрофутуризм (африканфутуризм) более метафоричен: прошлое тут транслируется не буквально, а аналогично или аллегорично. Это вполне соответствует африканской повествовательной традиции, где история передается через притчу.

Афрофутуризм в США – это продукт диаспоры. Он синтезирует африканские и западные культурные коды. Батлер намеренно пишет в жанре, понятном локальному читателю, но насыщает текст афроамериканским фольклором о рабстве, тропами из «невольничьих повествований». Настолько же часто в литературном афрофутуризме США встречаются отсылки к поп-культуре (комиксы, музыка). Антропологически все это акцентирует опыт отчуждения, двоякой идентичности. Дана в «Родне» буквально живет две жизни – в теле свободной женщины и в теле рабыни. Такова квинтэссенция диаспорической психологии, где прошлое и настоящее постоянно конфликтуют внутри одной личности.

В то же время нигерийский афрофутуризм (африканфутуризм), напротив, укоренен в местных культурных контекстах. Тот же Онебучи включает в роман артефакты конкретной национальной традиции, ритуалы, легенды, пословицы, язык, реалии городов. Эта версия афрофутуризма подчеркивает коллективную идентичность: герои мыслят категориями народа. Их миссия диктуется не личными обидами (хотя часто присутствуют и они), а предназначением спасти свой народ, даже разделенный, как в «Воительницах». Поэтому и прошлое воспринимается ими как общая судьба. Нигерийские авторы говорят о памяти народа, американские – о памяти личности и семьи. Прыжки во времени Даны из «Родни» Батлер шокируют окружающих, а магические способности сестер в «Воительницах» Онебучи настолько повседневны, что в тексте не приводится для них специальное обоснование, так как в африканских мирах фантастическое гармонично уживается с реальным. В этом – антропологическая разница двух афрофутуризмов: память афроамериканской диаспоры о магии скорректирована Библией, тогда как африканские общества, даже модернизированные, как Маврикий или Ботсвана, хранят живую связь с традиционной верой.

Как было замечено, афрофутуризм в США возник на волне афроцентризма в 1990-х гг., после Движения за гражданские права и до движения «Жизни черных имеют значение», то есть в контексте, когда формально правовое равноправие для всех граждан страны было достигнуто, но неравенство и «вычеркивание» черных из истории Америки сохранялось. Потому американские афрофутуристические тексты, включая те, что написаны позднее 2013 года, носят характер критического переосмысления традиционной историографии. Американский афрофутуризм нацелен на внутреннюю

аудиторию. За 15 лет до появления термина «афрофутуризм» Батлер фактически обращается к гражданам США: посмотрите, каким адом было рабство – и это часть нашей истории. Таким образом, афрофутуризм в Америке содержит сильный элемент социальной сатиры. Это, в свою очередь, гармонично вписывает его в развитие афроамериканской мысли о расе – от У. Дюбуа и Гарлемского ренессанса до Тони Моррисон и Бейонсе.

Нигерийский афрофутуризм (африканфутуризм) развивается в контексте пост-«африканского возрождения». Его послание зачастую направлено как на аудиторию внутри страны, так и далеко за ее пределами. С одной стороны, нигерийские африканфутуристы стремятся развенчать европейские и американские стереотипы об Африке как месте небытия. Показывая технологичное будущее континента (даже военное, как у Онебучи), они заявляют: Африка вернется. С другой стороны, их послание обращено и к самим африканским нациям. Нередко они откровенно предупреждают: если не решить старые этнические и религиозные конфликты, их пламя сожжет все на века вперед. Нигерийский афрофутуризм (африканфутуризм) более интроспективен для африканцев.

При всех различиях двух афрофутуризмов американская и нигерийская традиции находятся в диалоге и взаимовлиянии. Батлер вдохновила Окорафор, Окорафор – Онебучи. Рост африканской фантастики в 2010-х гг., в частности, выход первого сборника «Афро-НФ» (AfroSF, 2013) повлиял на американский афрофутуризм. Он стал внимательным к африканским мотивам. Не случайно при создании фильма «Черная Пантера» (Black Panther, 2018) в Голливуде были организованы плотные консультации с африканскими экспертами, а оформление саундтрека и визуального стиля в афроэстетике повысил интерес афроамериканской аудитории к истории Африки [\[15, с. 165\]](#). Возможно, на следующем этапе развития афрофутуризм, преодолев разногласия между африканцами и диаспорой в США, превратится в глобальный черный футуризм.

Так или иначе, прошлое в американском и нигерийском афрофутуризмах выполняет четыре похожие функции: эмансипаторскую, коммеморативную, пропедевтическую и катарсическую. Оно возвращает историю угнетенным группам, будь то рабы на плантации или жители Нигерии; оно увековечивает память о страданиях предков и не дает их забыть; оно предостерегает от повторения ошибок прошлого и, наконец, через художественное переживание трагедии помогает в реальности прийти к осознанию и, возможно, прощению. Можно заключить, что афрофутуризм Нигерии и США – это два берега, питаемой одними водами. Прошлое – исток, откуда они текут. В нигерийской реке вода теплее от лучей незаходящего солнца традиций, в американской – прохладнее от теней давно оставленной земли. Стремление этого потока едино, и российская филология только начинает в него погружаться.

Библиография

1. Dery M. Flame Wars: The Discourse of Cyberculture. Durham, NC: Duke University Press, 1994.
2. Capers B. Afrofuturism & Law: A Manifesto // The Georgetown Law Journal. 2024. No. 112. Pp. 1361-1383.
3. Jimoh G. Digital Art in Nigeria (1990-1999) // University of Virginia Arts. 2024. No. 4. Pp. 120-137.
4. Afrofuturism 2.0: The Rise of Astro-Blackness / Ed. by R. Anderson, C. Jones. Lanham, MD: Lexington Books, 2017.
5. Womack Y. Afrofuturism: The World of Black Sci-Fi & Fantasy Culture. Chicago, IL:

Lawrence Hills Books, 2013.

6. Brennan E. Hermétisme contre herméutics: l'afrofuturisme de Kodwo Eshun et les défis de l'abstraction noire // L'Atelier. 2019. No. 11.1. Pp. 52-66.

7. Afrofuturism: A History of Black Futures / Ed. by K. Strait. Washington, D.C.: Smithsonian Books, 2024.

8. Womack Y. Post-Black: How a New Generation Is Redefining African American Identity. Chicago, IL: Lawrence Hill Books, 2010.

9. Edwards E. Race, Aliens & the U.S. Government in African American Science Fiction. New York City, NY: LIT Verlag, 2011.

10. Väättänen P. Afro-versus Africanfuturism in Nnedi Okorafor's "The Magical Negro" and "Mother of Invention" // Vector. 2019. No. 289. Pp. 53-69.

11. Sunday O., Akung J. Afrofuturism and Africanfuturism: Black Speculative Writings in Search of Meaning and Criteria // Research Journal in Advanced Humanities. 2022. No. 3. Pp. 1-14. DOI: 10.58256/rjah.v3i3.870 EDN: MEAOMD.

12. Butler O. Kindred. Boston, MA: Beacon Press, 2003. 288 p.

13. Onyebuchi T. War Girls. New York City, NY: Razorbill, 2020. 480 p.

14. Drab E. Là où le passé rencontre le futur. La perspective sur le temps dans "War Girls" de Tochi Onyebuchi // ILCEA. 2023. No. 49. Pp. 1-12.

15. Odukomaiya O. Examining the Role of History in "Black Panther" and Octavia Butler's "Kindred" // International Journal of Arts, Humanities & Social Science Studies. 2020. No. 9. Pp. 163-170.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает художественная репрезентация прошлого в афрофутуристических романах Нигерии и США. Отмечается, что «и в США, и в Нигерии афрофутуризм расцветает как ответ на кризис идентичности и утверждение черных голосов в дискуссии о будущем человечества». Актуальность работы обусловлена новизной изучаемой проблематики. Несмотря на то, что афрофутуризм, как культурное явление, возникло на фоне дигитальной революции в середине 1990-х гг., «за 30 лет понятие «афрофутуризм» обросло множеством уточнений» и, соответственно, требует дополнительного изучения.

Теоретическую базу работы составили труды на английском языке, посвященные различным аспектам афро- и африканского футуризма, идентичности афроамериканцев, цифровому искусству и др. Библиография статьи насчитывает 15 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод; сравнительно-сопоставительный анализ; социокультурный и когнитивный анализ, а также метод дискурсивного анализа.

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. В ходе исследования проведен сравнительно-сопоставительный анализ афрофутуризма в США и африканфутуризма Нигерии («в американских интерпретациях афрофутуризма центральное место занимают диалог «прошлое – настоящее – будущее» и преодоление

коллективных травм через фантазию», «в Нигерии и многих других странах Африки разговор об афрофутуризме формировался иначе, часто – в полемике с самими афроамериканцами», «если американский дискурс критикует неолиберальный миф о пост-расовом обществе, то нигерийский призывает избавиться от ментальной оккупации и представить Африку как центр и активный субъект истории»). На материале двух афрофутуристических романов («Родня» (Kindred, 1979) Октавии Батлер и «Воительницы» (War Girls, 2019) Точи Онебучи) прослеживаются выявленные особенности: например, «прошлое в «Родне» тянет руку в настоящее, формируя художественную идентичность Даны, и это иллюстрирует тезис, что рабств для афроамериканцев – не далекая абстракция, а живая семейная память»; «Воительницы» демонстрируют подход, характерный для нигерийской афрофутуристики (африканфутуристики): отрефлексировать травму национальной истории через призму фантастики» и т.д. Также выявлены нарративные стратегии авторов из США и Нигерии: «американские афрофутуристы часто применяют прямое столкновение персонажа с прошлым и явное воспроизведение исторических реалий в фантастическом ключе», «нигерийские авторы же нередко используют элементы исторического романа, жанровый каркас их текстов – гибридный». Сформулированы выводы о том, что при всех различиях двух афрофутуризмов американская и нигерийская традиции находятся в диалоге и взаимовлиянии; «прошлое в американском и нигерийском афрофутуризмах выполняет четыре похожие функции: эмансипаторскую, коммеморативную, пропедевтическую и катарсическую» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в развитие феномена афрофутуризма/ африканфутуризма, в частности его репрезентации в художественном дискурсе; могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».